

Научно-
теоретический
журнал

Религио ведение

ISSN 2072-8662

Key title: Religiovedenie

Выходит 4 раза в год

№ 2 2013

Главный редактор

А.П. Забияко

Отв. секретарь

Е.С. Элбакян

Редакционная
коллегия

И.Л. Алексеев
П.В. Башарин
О.Ю. Васильева
И.П. Давыдов
И.Я. Кантеров
Ю.А. Кимелев
С.А. Мозговой
Н.Л. Мухелишвили
К.И. Никонов
Е.В. Орёл
Н.Н. Трубникова
С.В. Филонов
Н.В. Шабуров
М.М. Шахнович
И.Н. Яблоков

СОДЕРЖАНИЕ

История религий

- Крупяно А.А., Табарев А.В.* Ранние проявления ритуально-символической деятельности в культурах каменного века Дальнего Востока России 3
- Варламова Г.И., Дьяконова М.П.* Образы Сэвэки и Хэвки в мировоззрении и фольклоре эвенков и эвендов .. 15
- Осипова О.В.* Религии Древней Греции и Древнего Рима: обзор исследований на русском языке 1980 – 2010-х гг. 23
- Фадеев И.А.* Проблема англиканской идентичности: терминологический аспект. 29

Религии России

- Кузоро К.А.* Церковный историк и источник: особенности восприятия и способы работы (XIX – первая четверть XX вв.) 36
- Поляков А.Г.* Взгляды епископа Виктора (Островидова) на Церковь и церковно-государственные отношения в начале XX в. – 1919 г. 46
- Титорева Г.Т.* История Охотской Спасо-Преображенской церкви 51

Религии Востока

- Забияко А.П., Хаймурзина М.А.* Интерпретация религии китайскими мыслителями в контексте развития религиоведения в КНР (вторая половина XX – начало XXI вв.). Статья первая 64

Философия религии

- Пивоваров Д.В.* Два понятия веры 75
- Седых О.М.* Протестантизм как историко-культурный феномен в трактовке П.А. Флоренского и К.Г. Юнга 89
- Аринин Е.И.* Религия как «аутопойетическая система» в работах Никласа Лумана 97

Религиозная философия

- Данненберг А.Н.* Разработка проблемы происхождения религиозного сознания в трудах ранних христианских мыслителей 106
- Герасименко А.П.* Владимир Соловьев о религиозных корнях морали 113

Социология религии

- Воронина А.С., Забияко А.П., Завадская Е.А., Пелевина О.В.* «Основы религиозных культур и светской этики» в Амурской области в контексте общей религиозной ситуации в России и в регионе 122

Психология религии

- Ардашева Л.А. Основные парадигмы в изучении религиозного обращения 150
Дамте Д.С. Проблемы психологии религии в трудах Ойгена Древермана 162

Религия и культура

- Мощанская О.Л. Оппозиция «рай» – «ад» в художественном восприятии англосаксов и древних русичей 170
Каримиан Фаззех. Религиозная составляющая конфликта трагедии Н.П. Николаева «Сорена и Замир» 177

Кафедра

- Осипова О.В. Программа спецкурса «Религии Древней Греции и Древнего Рима» .. 187

Кругозор

- Психотехники и измененные состояния сознания в истории религий. Вторая научная конференция. Информационное сообщение 193
Давыдов И.П. Дух философии Этьена Жильсона (Рецензия на книгу Этьена Жильсона «Дух средневековой философии») 195
Матющенко В.С. Миграции русских старообрядцев (Рецензия на книгу Ю.В. Аргудяевой и А.А. Хисамутдинова «Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы») 199
Contents 203
About the journal 208
Информация для подписчиков 209
К сведению авторов 212
Авторы номера 215

Study of Religion («Religiovedenie»)

Scientific and theoretical journal. Four volumes/year

Editor in chief: A.P. Zabiyako. Executive secretary: E.S. Elbakyan.

Editorial board: I.L. Alekseev, I.P. Davidov, P.V. Basharin, I.Ya. Kanterov, Yu.A. Kimelev, S.A. Mozgovoy, N.L. Muskhelishvili, K.I. Nikonov, E.V. Orel, N.N. Trubnikova, S.V. Filonov, N.V. Shaburov, M.M. Shahnovich, O.Y. Vasilieva, I.N. Yablokov.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки.

Сайт журнала: <http://www.amursu.ru/religio>

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов статей. Рецензии на статьи высылаются по просьбе авторов, рукописи не возвращаются.

Кузоро К.А.

ЦЕРКОВНЫЙ ИСТОРИК И ИСТОЧНИК: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ И СПОСОБЫ РАБОТЫ (XIX – ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XX вв.)

Аннотация. В статье рассмотрена такая составляющая часть процесса создания российскими церковными историками XIX – первой четверти XX вв. исторических исследований как работа с историческими источниками. Исследованы установки, с которыми историки Церкви подходили к выбору исторических источников, проанализированы предложенные ими классификации и рекомендации по работе с источниками. Изучение подходов, способов и принципов работы с источниками – важный ключ к более полному пониманию исторических трудов и концепций.

Ключевые слова: православие, церковная историческая наука, источниковедение, историография.

В настоящее время при изучении исторических сочинений важно не просто проанализировать текст – порой гораздо важнее выявить и понять все обстоятельства их создания, рассмотреть контекст возникновения содержащихся в них идей.

Содействовать такому пониманию исторических трудов способна интеллектуальная история, предмет которой включает «не только историю достижений человеческого интеллекта, т. е. результатов интеллектуальной, творческой деятельности, но и историю самой этой деятельности в ее процессуальной незавершенности»¹.

Исследовательское поле современной интеллектуальной истории может быть представлено в виде структуры, включающей анализ разнообразного мыслительного инструментария, изучение всех форм, средств и установившихся институтов интеллектуального общения, выявление их всё усложняющихся взаимоотношений с социальным контекстом и «внешним» миром культуры². Чтобы в полной мере понять авторское высказывание, необходимо «увидеть» весь процесс его порождения, в котором «вызов» встающих перед мыслителем проблем соединяется с реальными социально-политическими и жизненными обстоятельствами, с его интересами, предпочтениями, намерениями и целями, с располагаемыми культурно-интеллектуальными ресурсами, с событийным рядом его действий по производству текста и пр.³. К совокупности этих обстоятельств можно отнести и особенности работы историка с историческим источником.

В данной статье обратим внимание не столько на результат, сколько на процесс создания церковными историками их сочинений; рассмотрим, с какими установками подходили историки Церкви к выбору исторических источников, их классификации, публикации, какие рекомендации по работе с источниками можно найти в их трудах. В качестве примера обратимся к произведениям историков дореволюционного периода: митрополита Евгения (Болховитинова), архиепископа Филарета (Гумилевского), митрополита Макария (Булгакова), А.В. Горского, Е.Е. Голубинского, П.В. Знаменского, Д.Н. Беликова, М.Э. Поснова и др.

В XIX столетии произошел мощный подъем исторической науки в России. Более доступными стали архивы, оживилась работа археографических комиссий, появились новые периодические издания, сосредоточенные на исторической тематике, в исторической науке углублялись специализация и дифференциация, интенсивно вводились в научный и общественный оборот исторические источники.

Церковные историки выполняли важную роль в формировании корпуса историков. Они принимали участие в работе научных исторических, археологических, археографических, филологических обществ: Румянцевского кружка, Общества любителей российской словесности, Общества истории и древностей российских, Общества Нестора-летописца, Общества истории и древностей при Московском университете и др. Даже официально не состоя в научных обществах, епархиальное духовенство нередко оказывало существенную помощь их работе. К примеру, в Румянцевский кружок присылались копии краеведческих материалов из Мурома, Углича, Суздаля, Рязани, Нижнего Новгорода, Арзамаса, Тобольска⁴.

Собирание источников, как форма научных занятий, было характерно для деятельности многих ученых XIX в., в том числе и для церковных историков.

Так, испытывая, по воспоминаниям современников, «любовь и внимательность к памятникам древности и старины»⁵, митрополит Киевский и Галицкий Евгений (Болховитинов) стремился привести в порядок местные архивы, отыскать и опубликовать неизвестные ранее исторические материалы. Митрополит работал не только с письменными, но и с археологическими источниками – с новгородскими, псковскими, греческими, римскими монетами, найденными на новгородской земле. Сотрудничество с Румянцевским кружком предоставило митрополиту Евгению богатейший материал для его «Словаря российских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России» (1845). Собираением и первичной обработкой материалов митрополит Евгений внес огромный вклад в развитие исторической науки, подготавливая основу для следующих за ним поколений ученых.

Еще один яркий пример русского церковного историка, положившего большие труды на поиск и опубликование источников по истории церкви, – митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков).

Создавая обобщающий труд по церковной истории, митрополит Макарий должен был попутно решать множество частных вопросов, разрабатывать конкретные сюжеты, без исследования которых изложение событий не представлялось ему в полной мере аргументированным. Чтобы не перегружать текст «Истории русской церкви» частными вопросами, связанными с необходимым анализом источников, митрополит издавал отдельные исследования в приложениях. Таким образом, в 1850–1880-х гг., параллельно с работой над «Историей русской церкви», митрополит Макарий обнаружил, описал и издал множество памятников древнерусской церковной письменности, среди которых – творения мниха Иакова «Память и похвала князю русскому Володимеру», «Житие блаженного Володимера», «Сказание страстей и похвала об убиении святых мучеников Бориса и Глеба» и др.

Эти приложения, включающие многочисленные публикации источников, в немалой степени способствовали тому, что исследование митрополита Макария превратилось «в своеобразный источник для его современников и исследователей младших поколений, которых автор своими трудами избавил во многом от тяжелой работы по сбору и первичному анализу материала»⁶.

Следует отметить, что некоторые из церковных историков создавали и самостоятельные источниковедческие работы. За труд под названием «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки»

историк Александр Васильевич Горский взялся по поручению Филарета (Гумилевского) в 1849 г. А.В. Горский работал над описанием рукописей вместе с выпускником Московской духовной академии, археографом и археологом, профессором Симбирской семинарии К.И. Невоструевым.

За основу А.В. Горский и К.И. Невоструев взяли «Описание рукописей Румянцевского музея» (1837), составленное филологом-славистом академиком А.Х. Востоковым. Все рукописи были разделены на группы (Миней служебные, Обиходы, Святцы, Пасхалии и т.д.) и пронумерованы, указывалось количество листов.

А.В. Горский был в первую очередь историком, а не археографом, поэтому подвергал рукописи тщательному источниковедческому анализу. Но даже в академической среде это вызывало одобрение не у всех ее представителей. Документы из архива А.В. Горского знакомят нас с любопытным эпизодом. Были предложения исключить из «Описания славянских рукописей» научно-исторический аппарат и трансформировать его в простое перечисление хранящихся в библиотеке документов. Безусловно, с научной точки зрения неполнота и фрагментарность рукописей были объективны и неизбежны, но в духовной среде не обошлось без опасений: не будет ли все это способствовать умалению авторитета Церкви?⁷ Итогом напряженной работы нескольких лет явилось шесть томов «Описания». Этот труд в 1867 г. был удостоен Ломоносовской премии Императорской академии наук, назвавшей его «гражданским подвигом».

Не может не обратить на себя внимания широта охвата источников, на которые опирались церковные историки.

К работе над историческими сочинениями привлекались монастырские грамоты, летописи, рукописи из монастырских и храмовых библиотек, архивов духовных консисторий, музеев, а также богослужебная литература, жития святых и т.д.

Ценными историческими источниками являлись законодательные документы, «Акты археографической экспедиции», послания митрополитов, епископов. Церковные историки использовали в работе самые разнообразные делопроизводственные, статистические, судебные материалы. Архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский) в «Истории русской церкви» (1857) использовал следственные дела о староверах и сектантах из «Полного собрания законов Российской империи». Дмитрий Никанорович Беликов, работая над исследованиями «Старообрядческий раскол в Томской губернии (по судебным данным)» (1895), «Томский раскол» (1900–1901), «Старинный раскол в пределах Томского края» (1905), обращался к серии уголовных дел, состоявших в производстве Томского губернского суда с 1878 г. по 1882 г., к судебным делам, хранившимся в архивах Томского губернского правления и Томской духовной консистории.

Исследователи старообрядчества Петр Васильевич Знаменский и Николай Иванович Ивановский в своих работах опирались на записи бесед со староверами, этнографические наблюдения. Находили место в трудах церковных историков и ссылки на сочинения иностранцев, повествующих о политической и, что очень важно, духовной сферах жизни русского общества: итальянского писателя Плано Карпини, польских историков Мартина Кромера и Яна Длугоша, австрийского дипломата, писателя и историка Сигизмунда фон Герберштейна.

Следует отметить, что в XIX в. одним из ведущих информационных каналов, в том числе и для исторической науки, стала журналистика, поэтому материалы православной периодической печати с этого времени выступали в роли важнейшего исторического источника. Сформировавшаяся к середине XIX в. церковная периодическая печать играла значительную роль в общественной жизни пореформенной России. В журналах обсуждались проекты церковных реформ, события общественной жизни, состояние духовного образования. Журналы знакомили публику с произ-

ведениями русской и иностранной богословской литературы, философскими сочинениями.

Наряду с журналами широко привлекались в качестве источника материалы православных газет. Официальные печатные органы епархий – епархиальные ведомости, – как правило, состояли из двух частей: официальной, публиковавшей распоряжения Синода и епархиального начальства, и неофициальной, содержащей выписки из творений Святых Отцов и духовных писателей, темы для проповедей, историко-статистические описания епархий, поучения и беседы, исторические и краеведческие статьи. Большинство епархиальных ведомостей выходило два раза в месяц, некоторые еженедельно.

Широко использовал материалы епархиальных ведомостей П.В. Знаменский в исследовании «Духовные школы в России до реформы 1808 года» (1881). Из ярославских, вятских, пермских, вологодских, черниговских, владимирских, тамбовских, иркутских изданий автор извлекал богатейший материал об организации духовного образования в епархиях, местных церковно-приходских школах, духовных училищах и семинариях.

Некоторые из церковных историков XIX – первой четверти XX вв. предлагали собственные классификации исторических источников, что очень ценно, ведь, во-первых, классификация – это эффективное средство лучшего познания источников, а во-вторых, она помогает заглянуть в творческую лабораторию церковного историка и приоткрыть нам тайну – как работал с источниками церковный историк позапрошлого и прошлого столетий.

Выбор основания деления источников на группы при классификации – важнейший теоретический вопрос. От того, насколько правильно выбран принцип классификации и насколько последовательно он применен, зависят и результат классификации, и ее научное значение. Впервые над теоретическим обоснованием принципов классификации источников в российской науке задумались в начале XX в., т.е. тогда, когда начала складываться теория источниковедения, но вопросы деления источников по тому или иному признаку интересовали русских историков гораздо раньше. Необходимость организации и упорядочения «безбрежного моря источников» была поставлена перед русской наукой в первой четверти XIX в., в период, когда обилие и многообразие источников превзошло исследовательские возможности⁸.

В качестве одного из наиболее ранних по времени примеров обратимся к классификации, предложенной архиепископом Филаретом (Гумилевским).

Источники для изучения русской церковной истории архиепископ подразделяет на две основные группы: «*известия частных лиц*» и «*церковные и государственные акты*». «Известия частных лиц», в свою очередь, историк разделил на «отечественные» и «иноземные». Среди отечественных источников этой группы архиепископ Филарет в первую очередь упоминает летописи. Историк выделяет следующие характерные особенности летописей: «почти каждая из них говорит преимущественно о событиях той области, где она писана», «все они говорят не об одних церковных событиях», «большая часть записанных ими случаев относится к частным предметам, – к построению храмов, монастырей, к посвящению иерархов»⁹. В целом, несмотря на недостатки, связанные с достаточно узким охватом церковных событий, историк оценивает летописи как «довольно обильный источник для церковной истории»¹⁰. Дополняет летописные тексты, «особенно относительно учения церкви, жизни и, частью, богослужения и правления», группа таких исторических источников как *сочинения древних учителей русской церкви* (митрополитов Илариона, Петра, Алексия, архиепископа Серапиона и др.)¹¹.

Далее из отечественных «известий частных лиц» архиепископ Филарет обособляет «*подробные записки о частных происшествиях*», пришед-

шие с XVII в. на смену летописям (к примеру, такие как «Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря» Авраамия Палицина, записки Сильвестра Медведева о стрелецком бунте и др.). Но поскольку большая их часть, за редкими исключениями, описывает «почти одни гражданские дела», более информативными и полезными для церковной истории, по мысли архиепископа, оказываются «древние краткие заметки на рукописях и послесловия к старопечатным книгам»¹² (А.Х. Востокова, П.М. Строева и других исследователей).

Далее следует подгруппа таких источников как *жития святых и святителей*. Автор сожалеет, что многие жития русских святых, написанные их современниками, остаются неизданными. А в Четврых-Минеях, прологах и патериках «древние жития изменены и сокращены, так что в них недостает многих и весьма важных известий»¹³.

В сочинениях иностранных авторов, по мнению Филарета, известий о русской церкви (особенно, достоверных известий) немного: «Если исключим известия византийцев и некоторых западных летописей о первых временах христианства в России, и потом несколько заметок Длугоша, Кромера и других о юго-западе России, то затем почти ничего не останется, что мог бы отыскать полезного для себя у иностранцев историк русской церкви»¹⁴. Среди массива иностранных источников историк выделяет также записки австрийского дипломата, писателя и историка Сигизмунда фон Герберштейна. В отношении иных заметок иноземных путешественников о России архиепископ Филарет убежден, что они полны ошибок, ставших следствием поверхностного знакомства с предметом, а также клеветы на русскую церковь (как со стороны католиков, так и со стороны протестантов). Но при этом в самом тексте «Истории русской церкви» ссылки на сочинения иностранных писателей встречаются достаточно часто, что может свидетельствовать о неизбежности небеспристрастного отношения православного историка к писателям-иноверцам.

Вторая группа источников, выделенная архиепископом Филаретом, включала *церковные и государственные акты*: послания митрополитов, деяния соборов, княжеские грамоты. Автор приводит в качестве примера опубликованные в то время «Акты археографической экспедиции», исторические акты, юридические акты, «Полное собрание законов Российской империи».

Вопросу о том, каким образом следует классифицировать источники по церковной истории, уделил немало внимания историк Евгений Евсигневич Голубинский. Во введении к своему известному исследованию «История русской церкви» (1900) он пишет: «Источники истории, сколько их вообще может быть, разделяются на три класса – *письменные, вещественные и источники, представляемые живой жизнью* (если дело идет о народах живых, не вымерших)»¹⁵.

Письменные источники историк подразделяет на несколько видов:

Сказания «нарочито-повествовательные»: «летописи общие и частные» и «исторические монографии об отдельных, особенно замечательных лицах и событиях».

Сочинения «не нарочито быто- и нравоописательные», т.е. сочинения юридического и так называемого публицистического содержания.

Памятники «двоякого рода»: с одной стороны, – «деятели именно правительственной» – законодательные акты, указы и грамоты, а с другой стороны, – «умственно-нравственной жизни» (например, литературные источники)¹⁶.

Под вещественными памятниками историк понимал здания, предметы быта, произведения ремесел и искусств; под источниками, представляемыми «живой жизнью», – язык, народную поэзию, «поверия и суеверия».

Русская церковная история, по мнению Е.Е. Голубинского, была отражена во всех указанных источниках. Главная проблема заключалась в их

качестве. Летописание – основной источник для русской церковной истории – всегда отличалось односторонностью, поскольку описывало только жизнь правителей, но не жизнь народа, а для любой истории, в том числе церковной, в равной степени важны как история государственной власти, так и история народа. Таким образом, летописи давали церковной истории «голый каталог предстоятелей церкви, за древнейшее время далеко не полный и относительно хронологии далеко не удовлетворительный, и ничтожное количество отрывочных, но по качеству частью весьма неудовлетворительных известий о церковных делах»¹⁷.

Составители житий (еще одного немаловажного источника), считал Е.Е. Голубинский, мало обращали внимания на исторический контекст, в котором протекала жизнь описываемых ими святых: «свою скудную обстановку они рисуют не посредством живых черт, взятых из действительной жизни, а посредством общих мест и риторических фраз, в которых почти нет ничего живого и индивидуального, а только одно приложимое ко всякому месту и времени и ко всяким людям»¹⁸.

Таким образом, делает вывод Е.Е. Голубинский, летописи, как и жития, были бы совершенно недостаточным источником, если бы не существовало других источников – таких как памятники законодательства, юридические и публицистические сочинения. Не исключает автор из круга источников сатирические и обличительные произведения, которые, «изображая пороки и недостатки жизни современных обществ, через то самое становятся источником для истории этой жизни»¹⁹.

Церковный историк Михаил Эммануилович Поснов под источниками церковной истории понимал все то, что «так или иначе помогает установлению исторических действительных фактов из прошлой жизни церкви». Среди этой совокупности первое место М.Э. Поснов отводил «древнейшим монументальным памятникам и письменным документам»²⁰.

Все источники М.Э. Поснов делит на *непосредственные*, которые «описывают прямо по опыту наблюдаемую жизнь», и *посредственные*, «изображающие ход церковных событий, пользуясь чужими письменными данными или устными рассказами»²¹.

Две важнейшие группы источников, на его взгляд: *письменные памятники* и *монументальные источники*. К письменным памятникам историк отнес юридические акты, послания епископов, митрополитов, патриархов, сочинения учителей церкви и т. д., к монументальным источникам – произведения христианской живописи, архитектуры и скульптуры, которые хотя и «не рассказывают истории жизни христианской церкви на человеческом языке, но служат выражением духа и быта христиан, отражением их верований и настроений»²². Таковы, например, римские катакомбы, надписи на печатях, монетах, памятниках и иных предметах.

Помимо классификаций, церковные историки немало внимания уделяли подходам и способам работы с историческими источниками, помещая в свои книги весьма интересные и ценные рекомендации для исследователей.

Как отмечал во введении к «Истории русской церкви» Филарет (Гумилевский), для церковного историка мало просто ознакомиться со всеми источниками, «между источниками надобно делать выбор, – отличать достоверные от недостоверных, современные от поздних». Работа с источниками, по мысли архиепископа, – «труд утомительный, но необходимый, чтобы иначе история не была собранием сведений о небывалом; труд такой, который должен бы быть конченным прежде сочинения истории»²³.

Приступая к работе, историку следовало также «запасть сведениями по хронологии и древней географии России», «чтобы в источниках не смешивать событий совсем различных по времени и месту, хотя и сходных по содержанию, или не разделять одного и того же события на два».

Необходимо для историка и знание истории гражданской, «поелику же события русской церкви часто и тесно связывались с гражданскими событиями России, так что, часто не зная последних, трудно понять и первые»²⁴. Позднее историк М.Э. Поснов к перечню наук, необходимых для правильного прочтения и понимания источников, добавит дипломатику, сфрагистику, эпиграфику, палеографию, филологию, географию, хронологию²⁵.

Помимо разносторонних и глубоких знаний, в качестве важного требования к историку выступала объективность: «историк должен быть объективен, свободен от ложного патриотизма, от конфессиональных тенденций»²⁶. В подтверждение М.Э. Поснов приводит слова древнеримского мыслителя Цицерона: «Историк не должен говорить ничего ложного и не укрывать ничего истинного», а также христианского писателя конца III – начала IV вв., священномученика Лукиана: «Только одной истине должен приносить жертву тот, кто намерен писать историю»²⁷. Может быть, не случайно имена двух мыслителей, принадлежащих к разным эпохам, культурам, мировоззренческим системам, М.Э. Поснов поставил рядом с целью показать, что сущность истории и историка неизменны, несмотря на сменяющиеся друг друга эпохи.

Историк должен быть внимателен к источникам, он должен максимально объективно, точно и полно раскрывать их содержание в исторических сочинениях, не добавляя и не убирая фактов: «Задача историков извлечь (и выжать) из материала все, что служит к созиданию настоящей истории; но далее этого они пойти не могут и бессильны прибавить самого материала или его улучшить»²⁸.

Особенную трудность представляли те случаи, когда была очевидна недостаточность источников для изучения отдельных событий или целых исторических периодов: «Из обильных источников черпай полную рукой и, имея талант историка, только созидай настоящую историю. Но совсем иное дело, когда источники скудны. Чтобы сделать что-нибудь, пишущий историю должен превратиться в усерднейшего, так сказать, тряпичника, должен по десятку раз тщательнейшим образом перерывать всякий хлам, чтобы не оставить ни одного лоскута и лоскутка, который бы мог пойти в дело и послужить на пользу»²⁹.

Неоднозначным вопросом для церковной исторической науки того периода выступала степень возможного вмешательства историка в процесс интерпретации истории.

Например, митрополит Евгений (Болховитинов), довольствуясь «скромной ролью собирателя материалов или исследователя частных вопросов науки»³⁰, не стремился создавать обобщающую концепцию истории. История, по его мнению, должна быть повествованием, собранием фактов, имен, без субъективного отношения к этому собранию.

Похожих взглядов придерживался и митрополит Макарий (Булгаков). Подход к истории митрополита Макария был основан на «безусловной значимости реально свершившегося события как воплощения промысла божия». Митрополит полагал, что «единство исторического процесса обусловлено божественным домостроительством и потому не нуждается во внешней схематизации»³¹.

Преподаватель Московской духовной академии, писатель-публицист и общественный деятель Н.П. Гиляров-Платонов в статье «Несколько слов о механических способах в исследовании истории» подверг резкой критике такой подход митрополита Макария. Н.П. Гиляровский сравнивает митрополита Макария с летописцем, приводящим факты без опоры на анализ источника: «При построении истории мысль остается совершенно бездействующею, когда вся умственная работа заключается в чисто внешнем подборе и подгонке одного готового материала к другому, готовому же».

Без непосредственного, личного, авторского анализа источников, по мнению писателя, любой исторический труд – вовсе не труд, а лишь «изделие»³². «Идеальный историк», по мнению Н.П. Гилярова-Платонова, должен обладать особым искусством – «умением из хаоса разрозненных материалов воссоздать стройное течение прошлой жизни и представить его в цельной картине»³³.

То, что на первый взгляд могло показаться «нагромождением» историко-культурологических фактов и неумением или нежеланием их интерпретировать, на самом деле являлось принципиальной позицией историков. И митрополит Евгений, и митрополит Макарий считали, что задача историка – сделать доступными факты, а суть исторического процесса человеку открывает Бог. Этот принцип целиком отвечает синергической природе православного христианства, «утверждающей необходимость сотрудничества, сообразованности, согласованного лада между божественной энергией (благодатью) и энергией человека (волей) в деле спасения, соединения человека с Богом»³⁴.

Но поиски разумного баланса между передачей фактов и созданием по возможности целостной картины исторического развития продолжались и в XX в. М.Э. Поснов основную задачу историка формулировал следующим образом: «не просто описать действительность и познать ее без преследования каких-либо побочных целей, но сделать понятным целое историческое развитие, все изменения и, насколько возможно, объяснить ход истории»³⁵.

Таковы были общие настроения и подходы в работе с историческими источниками. Безусловно, не могло обойтись и без исключений. Порой цель сочинения (например, обличить староверов) заставляла церковного историка поступаться принципами уважительного, бережного и внимательного отношения к источнику. Из воспоминаний Е.Е. Голубинского об одном из его наставников, известном богослове митрополите Московском и Коломенском Филарете (Дроздове): «К памятникам истории митрополит Филарет относился варварски, со своей точки зрения оправдываясь в их истреблении тем, что они могли бы приносить вред. В библиотеке Вифанской семинарии есть раскольничья рукопись, представленная митрополиту Платону (Левшину – К.К.). На переднем белом листе митрополит Платон сделал замечание о том, что православному богослову трудно бороться с раскольническими учителями, так как они смотрят на предмет с разных точек зрения. Филарет уничтожил этот лист... Филарет повыверзал места из писем митрополита Платона, казавшиеся ему вольными. Наконец, он предлагал Синоду исправить «Историю русской церкви» митрополита Платона, выпустив из нее места, казавшиеся ему неудобными»³⁶.

Другой пример: в произведении митрополита Макария (Булгакова) «История русского раскола, известного под именем старообрядства» (1855) присутствует заведомо ложный источник – Соборное деяние на еретика Мартина Армянина³⁷. Соборное деяние осуждало ересь некоего еретика Мартина, отстаивавшего двуперстие, сугубую аллилуйю, хождение посолонь и считавшего все эти обряды истинными и древними. Свои воззрения еретик Мартин изложил в книге «Правда», которая послужила для Киевского собора (1157) обличительным материалом против его автора. Писателями-староверами дьяконом Александром Керженским и Андреем Денисовым еще в 1722–1723 гг. было выявлено, что Соборное деяние представляет собой подлог, намеренно созданный для того, чтобы доказать, будто бы сохраняемые староверами обряды были принесены на Русь извне и не являлись истинными и древними. Митрополит Макарий, безусловно, не мог не знать о том, что источник является фальсификацией, но, стремясь привести как можно больше доказательств неправоты старообрядцев, он включил его в свое произведение.

Но даже такие факты не могут заслонить собой положительные перемены, произошедшие в церковной исторической науке. Труды церковных историков введены в научный оборот многочисленные и разнообразные источники по российской истории, предложены классификации источников, написаны источниковедческие исследования. Безусловно, взгляды историков не во всем были едины (что может говорить о постоянном развитии церковной исторической науки), но в том, что источнику в историческом исследовании принадлежит первостепенное значение, они были единодушны.

Библиографический список

Воспоминания Е.Е. Голубинского // Труды Костромского научного общества по изучению местного края: Третий исторический сборник. – Кострома, 1923. – Вып. 30. – С. 1780.

Гиляров-Платонов Н.П. Несколько слов о механических способах в исследовании истории // «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение...»: Сборник сочинений / отв. ред. О. Платонов. – М., 2008. – С. 34–57.

Голубинский Е.Е. История русской церкви / Е.Е. Голубинский. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1997. – Т. 1. – 1010 с.

Грот Я.К. Переписка митрополита Евгения с Державиным // Чтения 18 декабря 1867 года в память митрополита Киевского Евгения. – СПб., 1868. – С. 65–216.

Козлов В.П. Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века. – М.: Изд-во РГГУ, 1999. – 416 с.

Кузоро К.А. Труды А.В. Горского: к опыту осмысления развития русской церковной исторической науки середины XIX столетия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 2 (16). – Ч. 2. – С. 108–113.

Макарий, епископ Тамбовский и Шацкий. История русского раскола, известного под именем старообрядства. – СПб.: Тип. Морского министерства, 1858. – 416 с.

От редакции // Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского монастыря, 1995. – Кн. 3. История русской церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589) / науч. ред. А.А. Турилов. – С. 5–10.

Поснов М.Э. История христианской церкви (до разделения церквей – 1054 г.). – М.: Высшая школа, 2005. – 648 с.

Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. – М.: Изд-во «Наука», 1975. – 280 с.

Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Круг, 2011. – 560 с.

Срезневский И.И. Воспоминание о научной деятельности Евгения, митрополита Киевского // Чтения 18 декабря 1867 года в память митрополита Киевского Евгения. – СПб., 1868. – С. 1–64.

Филарет (Гумилевский). История русской церкви. Период первый. От начала христианства в России до нашествия монголов (1237). – М.: Тип. В. Готье, 1857. – 183 с.

Хоружий С.С. Православная аскеза – путь к новому видению человека. – Библиотека Веб-центра «Омега», 2000 [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/21h/horuzhy/ascetic/ascetic.pdf> (дата обращения: 11.12.2012).

Шаховский Д.М. Митрополит Макарий как церковный мыслитель и историк // Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Ис-

тория русской церкви. – М., 1996. – Кн. 7. Период самостоятельности русской церкви / науч. ред. Д.Ф. Полознев, С.Г. Яковенко. – С. 7–14.

¹ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Круг, 2011. – С. 350.

² Там же. – С. 343.

³ Там же. – С. 362.

⁴ Козлов В.П. Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века. – М.: Изд-во РГГУ, 1999. – С. 183.

⁵ Срезневский И.И. Воспоминания о научной деятельности Евгения, митрополита Киевского // Чтения 18 декабря 1867 года в память митрополита Киевского Евгения. – СПб., 1868. – С. 24.

⁶ От редакции // Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского монастыря, 1995. – Кн. 3. История русской церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589) / науч. ред. А.А. Турилов. – С. 8.

⁷ Кузоро К.А. Труды А. В. Горского: к опыту осмысления развития русской церковной исторической науки середины XIX столетия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 2 (16). – Ч. 2. – С. 111.

⁸ Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. – М.: Изд-во «Наука», 1975. – С. 231.

⁹ Филарет (Гумилевский). История русской церкви. Период первый. От начала христианства в России до нашествия монголов (1237). – М.: Тип. В. Готье, 1857. – С. 4.

¹⁰ Там же. – С. 4.

¹¹ Там же. – С. 6.

¹² Там же. – С. 5.

¹³ Там же. – С. 5.

¹⁴ Там же. – С. 6.

¹⁵ Голубинский Е.Е. История русской церкви. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1997. – Т. 1. – С. 8.

¹⁶ Там же. – С. 8.

¹⁷ Там же. – С. 9-10.

¹⁸ Там же. – С. 13.

¹⁹ Там же. – С. 10.

²⁰ Поснов М.Э. История христианской церкви (до разделения церквей – 1054 г.). – М.: Высшая школа, 2005. – С. 10.

²¹ Там же. – С. 10.

²² Там же. – С. 11.

²³ Филарет (Гумилевский). История русской церкви. Период первый. От начала христианства в России до нашествия монголов (1237). – М.: Тип. В. Готье, 1857. – С. 7.

²⁴ Там же. – С. 7.

²⁵ Поснов М.Э. История христианской церкви (до разделения церквей – 1054 г.). – М.: Высшая школа, 2005. – С. 15.

²⁶ Там же. – С. 14.

²⁷ Там же.

²⁸ Голубинский Е.Е. История русской церкви. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1997. – Т. 1. – С. 8.

²⁹ Там же. – С. 18.

³⁰ Грот Я.К. Переписка митрополита Евгения с Державиным // Чтения 18 декабря 1867 года в память митрополита Киевского Евгения. – СПб., 1868. – С. 66.

³¹ Шаховский Д.М. Митрополит Макарий как церковный мыслитель и историк // Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. – М., 1996. – Кн. 7. Период самостоятельности русской церкви / науч. ред. Д.Ф. Полознев, С.Г. Яковенко. – С. 9.

³² Гиляров-Платонов Н.П. Несколько слов о механических способах в исследовании истории // «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение...»: Сборник сочинений / отв. ред. О. Платонов. – М., 2008. – С. 37.

³³ Там же. – С. 34.

³⁴ Хоружий С.С. Православная аскеза – путь к новому видению человека. – Библиотека Веб-центра «Омега», 2000 [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/21h/horzhy/ascetic/ascetic.pdf> (дата обращения: 11.12.2012).

³⁵ Поснов М.Э. История христианской церкви (до разделения церквей – 1054 г.). – М.: Высшая школа, 2005. – С. 7.

³⁶ Воспоминания Е.Е. Голубинского // Труды Костромского научного общества по изучению местного края: Третий исторический сборник. – Кострома, 1923. – Вып. 30. – С. 39.

³⁷ Макарий, епископ Тамбовский и Шацкий. История русского раскола, известного под именем старообрядства. – СПб.: Тип. Морского министерства, 1858. – С. 1.

Поляков А.Г.

ВЗГЛЯДЫ ЕПИСКОПА ВИКТОРА (ОСТРОВИДОВА) НА ЦЕРКОВЬ И ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX в. – 1919 г.

Аннотация. В статье рассмотрены основные этапы формирования религиозно-политических взглядов епископа Виктора (Островидова) до принятия им архиерейской хиротонии, которые в 1927 г. явились одной из предпосылок его антисергианской позиции.

Ключевые слова: Русская православная церковь, епископ Виктор (Островидов), митрополит Сергей (Страгородский), митрополит Антоний (Храповицкий), церковно-государственные отношения.

Епископ Виктор (Островидов) – первый из иерархов, кто открыто выступил против церковной Декларации 1927 г. и в целом конформистского, просоветского церковно-политического курса заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергея (Страгородского), направленных на безоговорочную легитимацию светской власти и ее политики. Он увидел в этом ущерб внутренней духовной свободе Русской православной церкви (РПЦ), вынужденной вновь следовать за прагматическими интересами светской, тем более «безбожной» власти, чья деятельность была направлена на радикальную трансформацию традиционного (религиозного) общества¹.

Константин Александрович (в будущем епископ Виктор) Островидов родился 21 мая 1878 г. в Саратовской губернии. Летом 1899 г. Константин поступил на первый курс Казанской духовной академии².

На четвертом курсе (в 1903 г.) он написал курсовое сочинение под заглавием «Брак и безбрачие». Уже в этой работе формируется жизненное кредо Константина – будущего епископа Виктора. Во многом опирающийся на труды В.И. Несмелова, религиозно-философские рассуждения Константина можно свести к следующим основным положениям:

1. Жизнь «человека-животного» определяется исключительно побуждениями природы его организма и никогда не выходила за рамки биполярной дихотомии «приятное – неприятное», что воспринимается им как полезное и вредное, опасное и безопасное, т.е. не шла бы дальше только его чисто физического существования в качестве живого организма. Поиск человеком смысла жизни и существование религии выводят его за пределы физического существования. В своем стремлении определить действительный смысл своей жизни человек должен прийти прежде всего к отрицанию всякой ценности и вообще разумного значения для его жизни как чисто физического ее определения.

2. Содержание абсолютной жизни человека заключается в «творении добра», однако это должно быть независимо от физических мотивов и целей. Константин считал, что нравственная деятельность человека не может возникать ни из каких других побуждений, кроме идеальных, абсолютных. Во имя развития своего высшего духовного начала человек дол-